

К СТОЛЕТИЮ ФЕВРАЛЬСКОЙ И ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИЙ В РОССИИ

ГЕГАМ ПЕТРОСЯН

Доктор исторических наук, профессор, декан факультета международных отношений Ереванского государственного университета

Размещено: 10 марта 2017 года, в пятницу

ВОПРОС ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ УСТУПОК ТУРЦИИ НА ТРАПЕЗУНДСКОЙ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ (МАРТ-АПРЕЛЬ 1918 ГОДА)

Ключевые слова: делегация Турции, Закавказская миротворческая делегация, Брест-Литовский мирный договор, территориальные уступки, турецкий ультиматум, турецко-закавказская война

В предыдущей [статье](#) [1] мы представили ход обсуждения Армянского вопроса на Траpezундской мирной конференции. Ключевую роль в этих дипломатических переговорах играли также проблемы территориального разграничения.

Новые территориальные завоевания и растущее дипломатическое давление Турции вынудили находящуюся в Траpezунде Закавказскую миротворческую делегацию пересмотреть 3-е положение, утвержденное Сеймом 16-го февраля (1 марта) 1918 г., согласно которому в основу заключаемого мирного договора должно было быть заложено переутверждение русско-турецких государственных границ, существовавших до Первой мировой войны. [2] Однако тяжелейшие условия, в которых оказалась Закавказская миротворческая делегация, заставили ее пойти на территориальные уступки, чтобы выйти из дипломатического тупика. 19-го марта (1 апреля) 1918 г. на двух общих заседаниях Закавказской миротворческой делегации обсуждался вопрос о территориальных уступках Турции. Здесь столкнулись интересы членов делегаций трех титульных наций региона: грузины не желали уступать Турции Батум, а армяне – Карс. Члены грузинской и татарской делегаций ставили вопрос не взаимных территориальных уступок, а, в одностороннем порядке, уступок армянских земель за счет сохранения своих территорий. «Для грузин, - пишет Лео, - проблема была простой, следовало отдать Карс и сохранить Батум. А турки (кавказские татары – Г.П.) присоединились к этому предложению. Но что делать со 100-тысячным армянским населением, как защитить Эриванскую губернию и, особенно, ее единственное средство коммуникации – железную дорогу, которая проходит вдоль Арпачая и, таким образом, подпадает под огонь не только артиллерии или стрелкового оружия, но и под пули? Эти соображения, которые я защищал на совещаниях, привели к выводу, что если получится поторговаться, то следует придерживаться принципа уступок Турции только тех территорий, которые населены турками. Батум и Карс было решено не уступать». [3] На основе этих предложений Закавказская миротворческая делегация создала комиссию из трех членов для составления приграничной топографии, в которую вошли советник делегации Лео (по Армянскому вопросу), грузинский историк И. Ингорова и русский штабной офицер кавказского фронта, хорошо знакомый с топографией границ. [4] «Начали работать, - пишет Лео, - однако с первых же шагов грузинская тенденциозность стала создавать трудности – отдать как можно больше от Карсской области, для того, чтобы сделать как можно меньше уступок в Ардаганской и Батумской областях... Так или иначе возникали тяжелые вопросы «мое и твое». Так ли должны были три нации защищать страну общими усилиями? Я не скрывал своего удивления и сопротивлялся переходящим всякую меру

мелочным националистическим торгам. Конечно, я сообщил об этом Чхенкели, который потребовал от меня объяснений и получил - с убийственными подробностями». [5]

Как указывалось выше, вопрос территориальных уступок Турции стал предметом разногласий и бурных споров между членами Закавказской миротворческой делегации. Принимая за основу мнения, прозвучавшие на общих заседаниях делегации, А. Чхенкели составил свой проект территориальных уступок Турции, обнародованный им на общем заседании, созванном 21-го марта (3-го апреля). Согласно проекту А. Чхенкели Турции предполагалось сдать весь уезд Олты, более половины Ардаганского уезда и значительные части Карсской и Кагзванской областей. [6] Против проекта высказались армянские члены миротворческой делегации О. Каджазнуни и А. Хатисян. Последний пишет: «Это стало причиной нашего протеста. К вечеру был составлен окончательный проект, по которому из 34 000 верст сдавалось 8000. Мы были недовольны, потому что все, что сдавалось (Турции – Г.П.), сдавалось за наш (армян – Г.П.) счет и ничего из Батумской области». [7]

23 марта (5-го апреля) на шестом заседании Трапезундской мирной конференции Чхенкели огласил программу территориальных уступок Турции, которая была отправлена в Константинополь. [8] В ожидании ответа был объявлен перерыв, однако встречи и частные беседы турецкой и закавказской делегаций вокруг нескольких спорных вопросов продолжались. Во время этих встреч председатель турецкой делегации Хуссейн Рауф-бей по Армянскому вопросу заявил: «Если правительство Закавказья желает установить с Турцией дружеские отношения и заключить мир, оно должно пожертвовать территориями и отложить в сторону Армянский вопрос... Правда, армяне говорят об армянской автономии на территории Турции, но это давно известное предисловие к суверенитету, так было с турецкими областями на Балканах. И сейчас в Турции есть партия царевича Сабах-Эддина* «этого предателя Турции». Поэтому думаю, что закавказские армяне должны вообще снять 4-ый пункт». [9] (Речь идет о той статье Брест-Литовского мирного договора, по которой в Карсской губернии должен был состояться референдум – Г.П.). Ответ на программу территориальных уступок Закавказской миротворческой делегации поступил на следующий день - поздним вечером 24-го марта (6-го апреля) в виде ультиматума Хуссейн Рауф-бея: «Господин председатель, правительство Османской империи настаивает на своем заявлении от 21 марта 1918 г. и просит уважаемую делегацию Закавказья дать окончательный ответ об этом в течение 48 часов». [10] Из ультиматума стало ясно, что турецкая сторона не удовлетворена программой территориальных уступок Закавказской миротворческой делегации. Фактически, турки в ультимативной форме потребовали безоговорочного признания Брест-Литовского мирного договора и немедленного освобождения всех отходящих к Турции территорий. Татарские члены Закавказской миротворческой делегации потребовали принять турецкий ультиматум и исполнить все требования. В этой связи советник делегации по Армянскому вопросу Лео пишет: «Наши турецкие сотоварищи (кавказские татары – Г.П.) с пеной у рта доказывали, что Турция прямо сейчас вправе захватить полученные земли, что не нужно вообще перечить, а говорить с ними мирным и сладкоречивым языком». [11]

Члены грузинской делегации во главе с А. Чхенкели втайне от армянских делегатов вели дипломатические переговоры с турками о сохранении Батума в составе Закавказья. В частной беседе с А. Хатисяном Хуссейн Рауф-бей сообщил, что грузины шесть раз просили уступить Батум грузинам, однако они не согласились, а аджары просто заявили, что проблема Батума – их дело, и они не позволят распоряжаться своим городом. [12] Кроме того Хуссейн Рауф-бей сообщил А. Хатисяну, что они не пойдут ни на какие уступки и не откажутся от Батума ни на каких условиях.

Турецкий ультиматум создал тяжелую ситуацию: в случае его непризнания военные действия ужесточились бы и Турция оккупировала бы Закавказье. На общем заседании Закавказская миротворческая делегация решила пойти на максимальные

территориальные уступки. 25-го марта (7-го апреля) А. Чхенкели направил своему правительству в Тифлис телеграмму, отметив, что необходимо пойти на максимальные территориальные уступки Турции. Необходимо сдать туркам всю Карсскую губернию, северные части Ардаганского уезда, а также Ардвинский уезд Батумской губернии. В конце телеграммы А. Чхенкели отметил: «Я уверен, что турки не уступят и Батум. Вехиб-паша определенно сказал об этом, но разница в том, что это пока хоть является предметом торга. Что касается Карса, сохранить его дипломатическим путем абсолютно невозможно. О Карсе турки даже говорить не желают. Я знаю, что такая постановка вопроса грозит единству Закавказья и Сейма, но, к сожалению, другого выхода нет. Турки начали очень серьезную войну». [13]

Свой ультиматум турки подкрепили захватом новых территорий на закавказском фронте. Еще 23-го марта (5-го апреля), нарушив Брест-Литовский договор, войска под командованием Вехиб-паши вторглись в пределы Закавказья, заняли Сарикамыш, Ардаган и часть Батумской губернии, [14] фактически, оккупировав районы, которые Закавказское правительство согласилось уступить Турции. Продолжая свою военно-политическую тактику, турки, с одной стороны вели переговоры с Закавказской миротворческой делегацией, с другой – завоевывая новые территории на кавказском фронте создавали давление на ход дипломатических переговоров, заставляя принимать требования, изложенные языком ультиматума. В частной беседе с А. Чхенкели Вехиб-паша угрожал, что если турецко-закавказские переговоры не будут завершены в кратчайшие сроки, турецкие войска вступят в кровопролитные бои и в это время вести какие-либо переговоры будет труднее. [15] В этой ситуации закавказское правительство телеграммой проинструктировало миротворческую делегацию, что «необходимо сообщить турецкой делегации, что поскольку турецкие войска перешли границы Закавказья, мирные переговоры должны быть прекращены и народы Закавказья должны быть оповещены об этом». [16] Вечером того же дня Закавказское правительство отправило миротворческой делегации третью инструкцию, в которой заявлялось, что они согласны уступить Карсскую губернию и Ардвинский уезд, «однако армяне сопротивляются и не хотят уступить туркам город Карс». [17]

В этой чрезвычайно сложной и напряженной военно-политической обстановке Закавказская миротворческая делегация впервые подняла на общем заседании вопрос о том, что «лучше поскорее принять Брест-Литовский мирный договор». [18]

Члены делегации, за исключением татар, опасались, что в результате быстрого продвижения турецких войск все спорные территории будут захвачены по праву войны и Брест-Литовский мирный договор не будет принят во внимание. А. Чхенкели продолжал активный поиск дипломатических путей предотвращения военных действий турецких войск, стоявших в восьми верстах от Батума. Приближалось 26 марта (8 апреля) - крайний срок ответа Тифлиса на турецкий ультиматум, в зависимости от которого должен был быть решен вопрос «войны или мира». [19] По словам А. Хатисяна: «Настроение, вообще, было очень тяжелое и мрачное; чувствовалось, что мы разобщены и слабы, что армия не может нас поддержать, и поэтому мы, как-будто, сдаемся «на милость победителя». [20]

В этой крайне тяжелой и неблагоприятной обстановке Закавказская миротворческая делегация стояла перед альтернативой: принять ультиматум Турции или разорвать дипломатические отношения и вернуться в Тифлис. В результате долгих обсуждений и бурных споров на общих заседаниях миротворческая делегация решила признать Брест-Литовский мирный договор и 26 марта (8 апреля) А. Чхенкели телеграфировал Закавказскому сейму и правительству в Тифлис: «Ардаган взят, судьба Карса будет решена в ближайшие дни, Батумская железная дорога, вероятно, будет отрезана; турки находятся в восьми верстах от Батума. Наша тактика – не спешить пока не подготовимся, не сработала. Наши войска и их командиры не на своей высоте. Страна без власти и

дисциплины не может воевать. **Нахожу необходимым немедленно получить полномочие признать Брест-Литовский мирный договор»** [21] (подчеркнуто нами Г.П.). Фактически А. Чхенкели стал убежденным сторонником признания Брест-Литовского мирного договора. Армянские делегаты А. Хатисян и О. Каджазнуни телеграммой уведомили об этом фракцию Армянской Революционной Федерации Закавказского сейма: «Считаем своим долгом обратить внимание партии Армянская Революционная Федерация на то, что в текущей ситуации признание Брест-Литовского мирного договора – наименьшее из зол». [22]

Однако еще до обсуждения вопроса со стороны Сейма и правительства миротворческой делегации стало известно, что члены Сейма не склонны принять Брест-Литовский мирный договор. В телеграмме, направленной А. Чхенкели от И. Церетели, Н. Жордания, Н. Рамишвили и Е. Гегечкори, заявлялось, что они «считают предложение принять Брест-Литовский мирный договор абсолютно неприемлемым; думают, что этот акт является политическим и национальным самоубийством для Грузии и партии меньшевиков, и что они предпочитают быть завоеванными, и по этой причине никоим образом не могут согласиться на предложение А. Чхенкели и миротворческой делегации». [23]

На следующий день А. Чхенкели проинформировал Хуссейна Рауф-бея, что готов сдать Карс туркам и что лично согласен и настаивает на принятии Брест-Литовского мирного договора. Однако он должен получить согласие Закавказского сейма и правительства, после чего до 7 часов вечера 28-го марта (10 апреля) сообщит турецкой стороне об их решении. [24] Однако не получив из Тифлиса окончательного ответа Закавказского сейма и правительства в указанный срок, А. Чхенкели, пользуясь своими чрезвычайными полномочиями, 28-го марта (20 апреля) принял условия турецкого ультиматума и письменно ответил председателю турецкой делегации Хуссейну Рауф-бею: «В ответ на письмо председателя Османской делегации от 6 апреля 1918 г. Закавказская миротворческая делегация имеет честь заявить, что принимает Брест-Литовский мирный договор и готова на его основании продолжать дальнейшие переговоры». [25]

31-го марта (13 апреля) председатель турецкой делегации сообщил А. Чхенкели, что его правительство, узнав о том, что Закавказская мирная делегация признала Брест-Литовский мирный договор, считает необходимым обеспечить участие в турецко-закавказских переговорах союзников Турции – Германии, Австрии и Болгарии, и вместе с тем находит, что Закавказье должно, прежде всего, провозгласить свою независимость. [26] Этим шагом турецкая сторона попыталась облегчить себе задачу завоевания всего Закавказья.

В тот же день стало известно, что 30 марта (12 апреля) Вехиб-паша предъявил ультиматум комманданту Батума генералу Гедеванову с угрозами бомбежки и штурма Батума в случае, если они до 16 часов дня 31 марта (13 апреля) не сдадут городскую крепость со всем ее арсеналом и не выведут свои войска по доброй воле. [27]

А.Чхенкели отправил двух переговорщиков с просьбой к Вехибу-паше отложить бомбардировку Батума до получения ответа Закавказского сейма, однако Вехиб отказал. А. Чхенкели телеграммой сообщил об этом Мдивани, рекомендуя сдать туркам батумскую крепость без сопротивления. Против этого решения яростно возражал армянский представитель Закавказской миротворческой делегации А. Хатисян. В этой связи он пишет: «Я резко и безоговорочно заявил, что он (А. Чхенкели – Г.П.) не имеет права этого делать, что это право правительства, а не его. О. Каджазнуни тоже присутствовал. В ответ А. Чхенкели сказал, что это был частный совет. Я заявил, что частные советы для миротворческой делегации абсолютно неприемлемы. Чхенкели также сказал, что он телеграммой попросил отправить из Батума офицеров и одного представителя городского самоуправления Батума... для выяснения условий сдачи крепости и города. На это Вехиб-

паша ответил, что в качестве уступки он может...не вводить войска в город. Вообще, в телеграмме Чхенкели обосновывал свою позицию существованием какого-то раскольнического письма, представлявшего обстановку, как «безвыходную», указывая на Гегечкори, в качестве источника своей информации. В этом положении мы были вынуждены только узнавать об отданных им инструкциях, которые показывали туркам нашу беспомощность» [28].

В полдень 31-го марта (13 апреля) в Тифлисе под руководством Н. Чхеидзе было созвано объединенное собрание Президиума Закавказского сейма, правительства и представителей партийных фракций, на котором обсуждались условия турецкого ультиматума, то есть вопрос войны или мира. Выступая от имени Закавказского правительства, Е. Гегечкори заявил, что по утверждениям военного командования армия находится в надежном состоянии и может защитить Батум от турецкого нападения, [29] а И. Церетели сказал: «лучше умереть на поле боя, чем получить смертельный удар». [30] В результате долгих и бурных дебатов объединенное собрание единогласно приняло следующий проект решения:

1. Объявить войну Турции во имя защиты границ Закавказья;
2. Отозвать Закавказскую миротворческую делегацию из Трапезунда;
3. Поставить под ружье всех боеспособных мужчин страны;
4. Обратиться к народу с чрезвычайным призывом, объяснив весь ход мирных переговоров с упором на настоятельную необходимость войны;
5. Представить проекты настоящих решений на утверждение Сейма. [31]

Вечером того же дня было созвано заседание Закавказского сейма, на котором прозвучало множество пламенных, воинственных, и жестких выступлений против Турции, условиях ее ультиматума и об утверждении проекта решений объединенного собрания. Приводим выдержку из призыва, направленного всему населению Закавказья: «От нас требовали принять Брест-Литовский договор, заключенный без ведома и одобрения народов Закавказья. Требовали сдать им наш лучший порт – Батум. Мы сделали все, чтобы переговорами и мирным путем убедить турецкое правительство отказаться от Батума. Мы пошли на множество уступок во имя мира, но не можем отказаться от Батума, являющегося нашим единственным выходом к морю и единственным путем сообщения с цивилизованной Европой. Все наши усилия пошли прахом, столкнувшись с упорством Турции. На шею всех наших народов накинута петля вечного рабства.

Поэтому да будет разгромлено продвижение врага, столкнувшись с нашей решимостью до последнего вздоха защищать нашу землю, окрашенную кровью стольких поколений! Оружие к бою! Все на защиту свободы и отечества!». [32]

Тем не менее, дальнейшие события еще раз показали, что этот волнующий и воинственный призыв, мягко говоря, не был искренним. На заседании татарская фракция объявила, что мусульманское население, связанное с турками религиозными узами, отказывается от участия в объявленной им войне. [33] Бесспорно, и Закавказскому сейму, и правительству был знаком менталитет мусульман, тем не менее в сейме «их заявление остудило наше воодушевление, как холодной водой». [34] Член сейма И. Церетели «обратился к фракции (мусульманской – Г.П.) и бросил им в лицо: «Предатели!». [35]

В своем пламенном выступлении председатель правительства Е. Гегечкори заявил: «Правительство думает, что не погас еще дух свободы закавказской демократии, что «есть еще порох в пороховницах», что если мы слабы, то еще не настолько, чтобы превратиться в рабов. Поэтому мы считаем, граждане-члены Сейма, что принятие Брест-Литовского договора означает, что Закавказье, как независимая республика, перестанет существовать и превратится в провинцию турецкой империи. Такого позора

правительство не может допустить. Правительство соберет все свои силы, всю свою мощь, чтобы дать необходимый отпор насильственному корыстолюбию турецкого правительства». [36]

Интересно выступление члена фракции АРФД Закавказского сейма М. Арутюняна: «прежде всего, как армянин и как дашнак... мы убеждены, что Турция не удовлетворится теми условиями, которые она выставила по Брест-Литовскому договору. Она пойдет дальше. Она уверена в поддержке известных внутренних элементов и в организованности своих сил, имея перед собой разложившиеся военные части, она думает дойти до Баку и раз и навсегда осуществить свою давнюю программу соединения Константинополя с Баку вместе с плотно заселенными мусульманами районами... Мы убеждены, что армяне обречены на смерть в первую очередь, а грузины – во вторую очередь. Так что нет для нас никакого спасения. От имени дашнакской фракции я уполномочен заявить, что мы отдадим не только мобилизационный возраст, но и, скорее всего, весь наш народ, способный носить оружие, возьмет его и отправится на фронт на защиту нашей земли. В случае поражения и смерти мы, армяне, умрем с оружием в руках». [37]

Вечером 31-го марта (13 апреля), после пламенных и критических выступлений, Сейм единогласно утвердил проект решений объединенного собрания и телеграфировал в Трапезунд председателю Закавказской миротворческой делегации, министру иностранных дел А. Чхенкели: «Сегодня вечером на заседании Закавказского сейма единогласно принята следующая резолюция: «Учитывая, что по вопросу о границах Закавказья между Турцией и Закавказьем не достигнуто соглашения о мире, предлагаем Закавказской делегации незамедлительно вернуться в Тифлис». [38] Фактически, Сейм объявил войну Турции, в то время как последняя активно продвигала наступление в пределах Закавказья, чтобы закрепить требования Брест-Литовского договора силой оружия.

Согласно решению Сейма во всем Закавказье было официально объявлено военное положение, а для ведения войны был создан наделенный чрезвычайными полномочиями коллегиальный орган, в который вошли председатель правительства –военный министр Е. Гегечкори, министр внутренних дел Н. Рамишвили и министр финансов Х. Карчикян. [39]

Тем не менее, глубокие противоречия и конфликты между тремя титульными нациями региона, основной причиной которых была их разная внешнеполитическая ориентация, а также национально-территориальные споры между ними, все это не позволило создать в Закавказье объединенный фронт для противостояния турецкой военной угрозе. Как указывалось выше, на заседании Сейма мусульмане заявили, что не будут воевать против турок. Основная тяжесть турецко-закавказской войны легла на армянские силы (участие грузин было незначительным, а мусульманская дивизия не участвовала вообще). По свидетельству А. Хатисяна, сформировалось общественное мнение, о том что «при наступлении турок грузинские части, как правило, отступают». [40]

Вечером того же 31-го марта (13 апреля) Батум был сдан турецким частям без какого-либо сопротивления грузинского войска. Коммендант Батума и командир Первой грузинской дивизии со своим штабом сдались туркам добровольно. В Карской области армянские военные части в течение 10 дней продолжали яростное сопротивление туркам. После сдачи Батума Закавказский сейм убедился, что он более не в состоянии консолидировать все силы региона и продолжать войну.

1-го (14-го) апреля председатель правительства Е. Гегечкори отправил А. Чхенкели телеграмму с распоряжением Закавказской миротворческой делегации немедленно вернуться в Тифлис, о чем А. Чхенкели без промедления сообщил турецкой делегации: «Учитывая инструкции, полученные Закавказской делегацией от своего правительства,

имеем честь сообщить османской делегации, что Закавказская делегация вынуждена по необходимости сегодня отбыть в Тифлис». [41] Несомненно, турки прекрасно понимали, зачем Закавказская делегация уезжает из Трапезунда. Вечером того же дня миротворческая делегация вернулась в Тифлис. Перед расставанием по предложению Хуссейна Рауф-бея состоялась его одночасовая частная встреча с А. Хатисяном по Армянскому вопросу, которая является темой отдельной статьи.

Таким образом, по оценке А. Хатисяна «вместо мира из Трапезунда мы (Закавказская делегация - Г.П.) несли нашей стране войну». [42]

[1] См. Г. Петросян, Трапезундская мирная конференция 1918 г. Оюсуждения Армянского вопроса. «Вопросы арменоведения», 2016, 3 (9), с. 46-67 (на арм. яз.).

[2] НАА, ф. 200, оп. 1, д. 9, л. 43; см. также Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии, Тифлис, 1919, с. 84.

[3] Лео, Из прошлого, воспоминания, документы, рассуждения, Армянский вопрос – Армянская революционная федерация. Мировая война.- Революция, Тифлис, 1925, с. 386.

[4] Там же.

[5] Там же, с. 386-387.

[6] НАА, ф. 200, оп. 1, д. 8, л.104.

[7] НАА, ф. 200, оп. 1, д. 8, л. 105.

[8] НАА, ф. 200, оп. 1, д. 9, л. 188.

* Сын сестры Абдул-Гамида. После переезда в Европу в 1900 г. создал организацию «Лига децентрализации и личной инициативы» и основал газету «Прогресс», став идеологом центробежных устремлений многочисленных народов Турции. Вернувшись в Турцию после переворота 1908 г., сконсолидировал вокруг себя недовольных политикой младотурков. См. Аствацатур Хачатрян, Восточноармянские и турецкие дипломатические отношения, Ер. 2010, с. 263.

[9] НАА, ф. 200, оп. 1, д. 8, л. 105.

[10] НАА, ф. 200, оп. 1, д. 7, л. 152; см. также Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии, с. 155-156.

[11] Лео, указ. соч., с. 390.

[12] НАА, ф. 200, оп. 1, д. 8, л. 108.

[13] Ал. Хатисян, Возникновение и развитие Республики Армения, Афины, 1930, с. 34 (на арм.яз.).

[14] НАА, ф. 200, оп. 1, д. 8, л. 105.

[15] Там же.

[16] Ал. Хатисян, указ. соч., с. 35.

[17] Там же.

[18] НАА, ф. 200, оп. 1, д. 8, л. 105.

[19] НАА, ф. 200, оп. 1, д. 8, л. 106.

[20] НАА, ф. 200, оп. 1, д. 8, л. 104.

[21] НАА, ф. 4047, оп. 1, д. 223, л. 3.

[22] НАА, ф. 200, оп. 1, д. 8, л. 107.

[23] Там же.

[24] Там же, с. 106.

[25] НАА, ф. 200, оп. 1, д. 7, л. 152; см. также Документы по внешней политике Закавказья и Грузии, с. 160.

- [26] НАА, ф. 200, оп. 1, д. 7, л. 152; см. также Документы по внешней политике Закавказья и Грузии, с. 162.
- [27] НАА, ф. 200, оп. 1, д. 8, л. 107.
- [28] Там же.
- [29] Документы по внешней политике Закавказья и Грузии, с. 163-164.
- [30] Там же, с. 164.
- [31] А. Хачатрян, указ. соч., с. 76; см. также Документы по внешней политике Закавказья и Грузии, с. 163-166.
- [32] О. Иразек, Из недалекого прошлого. Исторические события и переживания 1917-1922, Бейрут, 1956, с. 18.
- [33] Лео, указ. соч., с. 392.
- [34] А. Хачатрян, указ. соч., с. 77.
- [35] Лео, указ. соч., с. 392.
- [36] Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии, с. 168.
- [37] Там же, с. 174-177; см. Также А. Ставроский, Закавказье после октября, М.-Л. 1925, с. 25-26.
- [38] Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии, с. 183-184.
- [39] Там же, с. 183.
- [40] НАА, ф. 200, оп. 1, д. 8, л. 109.
- [41] НАА, ф. 200, оп. 1, д. 7, л. 152.
- [42] Ал. Хатисян, указ соч., с. 36.